УДК 343.11
DOI: 10.17223/22253513/39/4

А.Г. Маркелов

ИДЕЯ КОМПРОМИССА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Предлагается оригинальный подход, объясняющий явную идеологическую природу использования технологий компромисса по отдельным альтернативным процедурам российского уголовного процесса, и рассматривается как прикладной инструмент борьбы с преступностью. Подобные предложения происходят на фоне очевидной тенденции гуманизации наказания и освобождения от уголовной ответственности отдельных категорий лиц. Автор полагает, что возведение правовой модели уголовно-процессуального компромисса в ранг мер противодействия преступности будет способствовать оптимизации российского уголовного процесса в интересах конкретных лиц. Кроме этого, в работе предлагается обоснование нового научного направления – уголовно-процессуальной концепции компромисса, и анализируются перспективы его применения в научных исследованиях и практической деятельности по противодействию преступности.
Ключевые слова: *уголовный процесс; уголовно-процессуальная форма; процедура; компромисс; противодействие преступности; конфликт.*

Актуальность идеи обусловлена необходимостью совершенствования теоретической и практической базы противодействия преступности в рамках комплекса мероприятий, составляющих содержание российского уголовного процесса. Борьба с преступностью является одним из приоритетов российской государственной политики и важнейшим условием построения современного гражданского общества. «Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем очередном Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации особо обратил внимание на декриминализацию ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации и перевод преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, тем самым обозначил актуальность государственных компромиссных решений для реализации и обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве России»[1].

Полагаем, что важнейшим инструментом реализации поставленных в Послании Президентом Российской Федерации задач является совершенствование основополагающих идей и принципов уголовного (далее – УК

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2015. 4 дек. № 6846.

РФ)[1] и уголовно-процессуального законодательства (далее – УПК РФ)[2], в том числе модернизация содержания наблюдающихся сегодня отдельных бесконфликтных производств в российском уголовном процессе, в системе которого особое значение имеет разработка концептуальных оснований и технологических приемов реализации идеи использования процедуры компромисса, и рассмотрение ее как отдельной меры противодействия современной преступности [1].

При этом необходимо оговориться, что сама идея компромисса в российском законодательстве появилась сравнительно недавно. Потребность использования процедур компромисса возникла в период коренных изменений и преобразований российской государственности, которые пришлись на 90-е гг. прошлого века. В советский период подобная компромиссная форма противоречила государственной идеологии борьбы с преступностью, и только в начале 1990-х гг. появились альтернативные взгляды на проблему использования компромисса в практике борьбы с преступностью и соответствующие предложения [2, 3].

Для начала следует обратить внимание на четко прослеживающуюся тенденцию обращения законодателя к поиску новых механизмов борьбы с преступностью, в том числе с использованием положительного зарубежного опыта, где давно и уверенно используются особые компромиссные формы разрешения уголовного дела. В этой связи в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России мы можем обнаружить всевозможные примирительные процедуры, договорные отношения (сделка с правосудием) и иные компромиссные формы создания законодателем благоприятных отношений для заинтересованных участников процесса, смысл которых заключается в оперативном решении всех задач и достижении единой цели, связанных с непосредственным разрешением уголовно-правового конфликта (спора), обусловленного прежде всего совершенным преступлением. В данном случае речь пойдет о том, что в российском уголовно-процессуальном праве появились нормы, которые в отдельных случаях допускают компромисс между государственными органами, потерпевшим и лицом, совершившим уголовно-наказуемое деяние.

Примерами подобных особых компромиссных процедур в действующем УПК РФ являются следующие процессуальные институты и формы: разрешение уголовных дел посредством сокращенного производства по уголовному делу в форме дознания, особых специальных (компромиссных) процедур в форме принятия судом окончательного решения по уголовному делу при согласии обвиняемого с предъявленным органами рас-

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. федерального закона от 29.05.2019 № 112-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

следования обвинением, принятия судом окончательного решения по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (сделка с правосудием), производства по уголовному делу о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении лица от уголовной ответственности, прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого связи с примирением сторон, прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в связи с деятельным раскаянием, прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Изложенные формы компромисса не исчерпывают себя. Они имеют место и при избрание некоторых мер пресечения (домашний арест, залог, запрет определенных действий и др.) и проведении отдельных следственных действий (допрос, очная ставка и др.) при определенных компромиссных обстоятельствах. Несмотря на существование в действующем УПК РФ различных институтов и форм компромисса, его понятие законодатель до сих по не определил.

Как показывает анализ юридической литературы, определение понятия «компромисс» интерпретируется по-разному и активно используется в таких науках, как психология, конфликтология, философия, социология и др. Самое распространенное определение компромисса мы наблюдаем в гуманитарной научной литературе, где под ним понимается достигнутое на основе взаимовыгодных уступок соглашение, оформленное соответствующим образом. Само же понятие «соглашение» интерпретируется как договор с учетом изложения в нем всех правил и процедур [4. С. 19].

Далее стоит особо обратить внимание на явную и стремительную тенденцию законодателя по расширению и введению в действующий УПК РФ других компромиссных процедур, в частности декриминализации отдельных положений действующего УК РФ и перевода в разряд административных правонарушений, т.е. по своей природе идея государственного компромисса проявилась и в иной форме, в том числе связанный с предупреждением преступлений [5].

По мере своего интенсивного развития обозначенная выше компромиссная форма в виде декриминализации группы статей УК РФ и непосредственного воплощения в жизнь через призму уголовного процесса начинает применяться более широко, в том числе позволяет непосредственно решать основные задачи, связанные с борьбой с преступностью [6]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что на законодательном уровне государством сформулирована новая альтернативная идея борьбы с преступностью с непосредственным использованием процедур компромисса. В данном случае речь идет о быстром решении возникшего уголовно-правового конфликта между стороной обвинения (прокурор, потерпевший) и лицом, совершившим преступление, в результате чего государство освобождает виновное лицо от уголовной ответственности, а виновное лицо, в свою очередь, заглаживает причиненный вред и компенсирует все расходы.

При этом подобные компромиссные формы в российском уголовном процессе необходимо соблюдать и при производстве проверочных действий в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ [7]. Так, осуществляя проверку по сообщениям о преступлениях, орган дознания, дознаватель, следователь обязаны соблюдать требования Федерального закона от 03.07.2016 № 326-ФЗ в части внесения изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, а также «в связи с принятием Федерального закона о внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»[1], который непосредственно декриминализовал ряд составов преступлений. К ним прежде всего относится уклонение от уплаты алиментов по ст. 5.35.1 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2], причем законодателем была введена уголовная ответственность за неоднократное совершение подобного деяния, которая возникла в новой редакции ст. 157 УК РФ. Кроме этого, в категорию административных правонарушений переведены все хищения с ущербом до 2 500 руб.; в прежней редакции КоАП РФ считались административно наказуемыми хищения, причинившие ущерб до 1 000 руб. При этом законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от размера ущерба: до 1 000 руб. и от 1 000 руб. до 2 500 руб. В случае же повторного совершения аналогичного хищения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, на сумму от 1 000 до 2 500 руб., оно привлекается к уголовной ответственности в соответствии с новой редакцией ст. 158.1 УК РФ на общих основаниях.

Необходимо отметить, что 7 февраля 2017 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал еще один декриминализационный закон и вновь установил компромиссный порядок разрешения отдельных споров посредством уголовно-процессуальных процедур, в частности домашние побои, совершенные впервые, переведены из уголовных преступлений в административные правонарушения[5].

История повторяется. Аналогичные действия со стороны законодателя и похожие декриминализационные компромиссные законы принимались в Советской России, при этом они были положительно оценены и применялись правоприменителем в 20-е гг. прошлого столетия [8].

Ярким выражением альтернативных компромиссных процедур являются не только изменения в УК РФ, но и появившаяся совсем недавно ст. 25.1 действующего УПК РФ по отношению к преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным лицом впервые. Так, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ[3] законодатель установил возможность ис-

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 2. Ст. 4259.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. федерального закона от 19.07.2018 № 220-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. II. Ст. 4256.

пользования альтернативных компромиссных процедур в разрешении спора (конфликта) между заинтересованными участниками в следующем виде. В частности, «когда суд по своей инициативе либо по результатам рассмотрения ходатайства, которое подано следователем с согласия его руководителя или дознавателем с согласия прокурора, в порядке, указанном в Кодексе, в случаях, установленных ст. 76.2 УК РФ, имеет право прекратить уголовное дело либо уголовное преследование относительно лица, подозреваемого или же обвиняемого в совершении преступления как небольшой, так и средней тяжести, если данное лицо возместило ущерб либо иным способом загладило причиненный преступлением вред, и назначить указанному лицу меру уголовно-правового характера в форме судебного штрафа» [9].

Интерес законодателя к применению процедур компромисса свидетельствует о его востребованности в уголовном судопроизводстве России[1]. Прежде всего это связано с усилением и обеспечением принципа «состязательности сторон», продвижением идеи «параллельного расследования», а также обеспечением прав и свобод личности в российском уголовном процессе.

Считаем необходимым отметить, что одним из главных достоинств применения альтернативных компромиссных процедур в разрешении уголовного дела при условии отсутствия особых отягчающих обстоятельств и только по преступлениям небольшой и средней тяжести является способность разрешить и ликвидировать возникшие проблемы между заинтересованными (конфликтующими) сторонами и создать благоприятную обстановку взаимности и понимания.

Альтернативное компромиссное и бесконфликтное разрешение уголовного дела между заинтересованными сторонами в российском уголовном процессе характерно «в первую очередь состязательному, а также частично розыскному типу уголовного судопроизводства, выражая себя идеями и принципами диспозитивности. А сама диспозитивная форма в уголовном судопроизводстве выступает как либеральное, демократичное волеизъявление, реализовываемое ее участниками с определением уголовно-процессуальных прав и обязанностей, влияющих на процедуру и итог реализации самой технологии деятельности в уголовном процессе. Располагая подобными средствами, а также силой диспозитивности, так называемый конфликт в уголовном процессе находит решение соответствующим уполномоченным лицом при прямом участии обеих сторон (и обвинения, и защиты), притом предоставляя равные права и обязанности» [10].

---

[1] Так, заслуживает внимания положительный опыт разрешения уголовных дел сотрудниками органов внутренних дел МВД России по Чувашской Республике, где с момента вступления в силу Федерального закона № 323-ФЗ судом было рассмотрено уже более 3 000 ходатайств органов предварительного расследования, по результатам которых приняты положительные решения о прекращении уголовного дела в результате определения меры уголовно-правового свойства в форме судебного штрафа. По оценкам проведенного нам исследования, в этой части цифры, несомненно, будут расти.

В отечественной уголовно-процессуальной практике процедуры компромисса продемонстрировали свою непосредственную эффективность в рамках комплекса мероприятий по предотвращению последствий преступлений, связанных с «захватами самолетов, захватами заложников, террористическими актами, незаконными лишениями свободы, похищениями людей, изнасилованиями, в урегулировании конфликтов, связанных с клеветой, возмещением материального ущерба, морального и физического вреда, с налоговыми и другими правонарушениями. Вместе с тем закрепление идей компромисса в российском уголовно-процессуальном законодательстве идет медленно» [11].

В современной следственно-судебной практике все чаще возникают проблемные ситуации, когда без возможностей и процедур компромисса не обойтись [12]. В частности, речь идет о тех следственных ситуациях, когда у правоохранительных органов нет, к примеру, достаточных доказательств для принятия окончательного решения по уголовному делу. Вместе с тем подозреваемый (обвиняемый) в совершении преступления, наоборот, может или проявляет желание и способность оказать содействие следствию в поиске и обнаружении доказательств или быть активным его участником в процессе доказывания по уголовному делу [13], в частности изобличает других участников преступления, возмещает причиненный преступлением вред (ущерб), но только в обмен на определенные гарантии, к которым можно причислить изменение квалификации преступления, исключение дополнительных или отдельных эпизодов преступления, освобождение лица от уголовной ответственности и (или) наказания, снижение или смягчение наказания, применение судебного штрафа и иные подобные формы, утраивающие подозреваемого или обвиняемого. И, как правило, правоприменитель, столкнувшись с такой проблемной ситуацией, в законе не урегулированной, идет на различные поступки, в том числе на незаконные действия, чтобы в любом случае раскрыть преступление и достигнуть определенного компромисса между заинтересованными (конфликтующими) сторонами по уголовному делу. По своей сути, речь идет о новой концепции борьбы с преступностью, в частности о разрешении уголовно-правового спора (конфликта) путем использования процедур компромисса и удовлетворения требований сторон, чьи интересы были затронуты и нарушены совершенным преступлением. В этой связи необходимо отметить, что данная концепция широко используется во многих зарубежных странах под названием «компенсационно-примирительные процедуры» [14–18].

Таким образом, можно утверждать, что без использования альтернативных методов и приемов противодействия преступности, и в первую очередь использования процедур компромисса, уголовному судопроизводству России сегодня не под силу противостоять преступности, в особенности когда речь идет о разрешении преступлений, не вызывающих особой сложности, которые в целом, как показывает статистические данные, составляют основной массив всех совершенных преступлений [19].

Реализация базовых идей и постулатов уголовной и уголовно-процессуальной политики требует сегодня создания перспективной концепции противодействия преступности с применением особых компромиссных процедур, которая противодействовала «бы смещению иерархии ценностей, охраняемых действующим законодательством, когда за приоритетное направление принимается стремление к подавлению во что бы то ни стало инициатора» спора или конфликта [20].

В то же время такого рода публичное признание серьезного потенциала и возможностей процедур компромисса не привело к существенному их продвижению и закреплению в иерархии средств доказывания и возможного разрешения уголовного дела. Ценность процедур и использования средств и методов компромисса общепризнана лишь тогда, когда заинтересованные стороны в уголовном судопроизводстве приходят к взаимному согласию, выбирая приемлемый для себя путь разрешения возникшего спора или конфликта. В основе компромисса лежит идея в форме «уступок и сближения», или, как ее еще называют, торг. Однако сами по себе частично используемые сегодня процедуры компромисса отделены от плоскости уголовного процесса и по-прежнему находятся в состоянии недопонимания со стороны правоприменителя. Современные подходы к разрешению проблемы легального использования процедур компромисса базируются на аксиоме безусловного приоритета только закрепленных уголовно-процессуальной принципов и процедур [Там же].

Незыблемость подобной методологической установки существенно затрудняет реализацию закрепленных в гл. 2 УПК РФ важнейших принципов уголовного процесса, в частности демократических начал отправления правосудия: состязательности сторон, презумпции невиновности, осуществления правосудия только судом, охраны прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, а также создает преграды для концептуального обновления имеющейся теоретико-правовой основы эффективного использования процедур и результатов компромисса в раскрытии и разрешении уголовного дела [21].

Попытки вписать отдельные процедурные элементы идеи компромисса в плоскость уголовного процесса, и в первую очередь в процесс разрешения уголовного дела, при неизменности основных процедурных постулатов, в частности процесса доказывания, «неизбежно упираются в непреодолимые идеологические и теоретические препятствия, вследствие чего значительно затрудняется решение проблемы и на нормативно-практическом уровне» [21]. Тем не менее нормативная эволюция отдельных процедур и приемов компромисса оказала существенное воздействие на разрешение стоящих перед государством основных задач борьбы с преступность. Об этом свидетельствует «живая» статистика разрешенных уголовных дел посредством использования процедур компромисса[1].

---

[1] Данные получены при проведении экспресс-опроса судей судов Чувашской Республики и сотрудников СУ СК РФ по Чувашской Республике.

Немалую роль в подобном подходе к использованию процедур компромисса в российском уголовном процессе играют гиперболизация его гуманистической миссии и противопоставление ее идее неотвратимости наказания. Данное обстоятельство влечет за собой неизбежную утрату реальных механизмов защиты человека и гражданина и оборачивается «слепотой и глухотой» уголовного процесса и, как следствие, ростом преступности, безнаказанностью преступников, ущемлением законных прав и интересов реальных людей.

Защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также обеспечение гарантий личности от незаконного и необоснованного обвинения настоятельно требуют от представителей юридической науки не просто продолжения дискуссии о действенности имеющихся уголовно-процессуальных ресурсов, но обоснованного комплекса теоретических, методологических, нормативных и практических предложений, направленных на принципиальное разрешение проблемы противодействия преступности путем использования процедур компромисса в российском уголовном процессе.

Здесь необходимо оговориться, чтобы нас правильно поняли, что мы предлагаем не всегда прибегать к процедурам компромисса, а только лишь тогда, когда на то будут соответствующие причины (условия, основания, порядок), и прежде всего обеспечено и реализовано назначение российского уголовного процесса, предусмотренное ст. 6 УПК РФ.

Все вышеизложенное свидетельствует в пользу чрезвычайной актуальности теоретико-методологической идеи и нормативно-практического воплощения нового подхода к обозначению и разрешению проблемы компромисса в уголовном процессе России и эффективному использованию процедур компромисса в процессе противодействия преступности – как концепции уголовно-процессуальной политики Российского государства.

Подводя итоги, представляется важным отметить, что российское уголовное судопроизводство должно и далее гибко модернизироваться в рассмотренном направлении и вводить необходимые компромиссные процедуры разрешения отдельных проблемных ситуаций, а также совершенствоваться в части упрощения некоторых сложных форм производства по уголовным делам.

При этом наиболее важным считаем ликвидацию огромного «бумаготворчества», что в перспективе, безусловно, предоставило бы возможность весьма стремительно и оперативно осуществлять реализацию уголовно-процессуальной деятельности.

И последнее. По своей сути являясь альтернативной формой, компромиссный подход в российском уголовном судопроизводстве предполагает преобразование всех норм и институтов соответствующих отраслей, а в перспективе – рождение новой уголовно-процессуальной формы разрешения уголовно-правового конфликта (спора) между заинтересованными сторонами, а также принятия окончательного решения по уголовному делу.

Литература

1. Маркелов А.Г. Принцип процессуального компромисса в уголовном судопроизводстве России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 114–118.

2. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 43–47.

3. Поляков М.П., Смолин А.Ю. К вопросу о технологических принципах уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 116–120.

4. Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М. : Книга и бизнес, 2010. 588 с.

5. Маркелов А.Г. Декриминализация как форма компромисса в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 165–168.

6. Кувалдина Ю.В. Уголовно-процессуальный компромисс как способ разрешения уголовно-правового конфликта // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 117–130.

7. Грачев С.А. Правовой компромисс в стадии возбуждения уголовного дела // Компромисс в праве: теория, практика, техника : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2014. С. 306–314.

8. Добровольская О.Г. Уголовное судопроизводство на основании компромиссов и соглашений // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 6 (96). С. 70–72.

9. Маркелов А.Г. Новый доказательственный компромисс в уголовном процессе России: «заплати и спи спокойно» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 2 (28). С. 105–108.

10. Федулов А.В. Розыскные и состязательные начала в современном уголовном процессе: необходим поиск компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2014. С. 341–347.

11. Маркелов А.Г. О компромиссе при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 145–149.

12. Подольный Н.А. Конфликт и компромисс как элементы стратегии защиты по уголовным делам // Адвокатская практика. 2003. № 3. С. 20–26.

13. Кузнецова А.А. Возможен ли компромисс между органами уголовного преследования и СМИ в ходе уголовно-процессуального доказывания? // Компромисс в праве: теория, практика, техника : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2014. С. 456–464.

14. Barr R., Friedman B. Joint representation of criminal codefendants: a proposal to breathe life into section 4-3.5(c) of the aba standards relating to the administration of criminal justice // Georgetown Journal of Legal Ethics. 2002. Vol. 15, № 4. P. 635.

15. Chiavario M. Some considerations on faces of justice by a non-specialist // Journal of International Criminal Justice. 2008. Vol. 6, № 1. P. 69–86.

16. Delmas-Marty M. Interactions between national and international criminal law in the preliminary phase of trial at the icc // Journal of International Criminal Justice. 2006. Vol. 4, № 1. P. 2–11.

17. Kress C. The procedural law of the international criminal court in outline: anatomy of a unique compromise // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1, № 3. P. 603.

18. Verin A.Y., Antonov I.O., Klyukova M.E., Rahmatullin R.R. Some problems in application of certain forms of summary procedure based on criminal procedure code of the Rus-

sian Federation // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2016. Vol. 19, special is. P. 25–30.

19. Чертов И.В. Современное регулирование компромисса при прекращении уголовных дел в Российском уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, уголовно-исполнительного права, преподавания учебных дисциплин криминологического цикла : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования юридического факультета / Петрозаводский гос. ун-т; отв. ред. Г.И. Цепляева. Петрозаводск, 2014. С. 169–174.

20. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2002. 442 с.

21. Поляков М.П. Несколько мыслей об идеологической сущности принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 84–88.

Markelov Alexander G., Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

THE IDEA OF COMPROMISE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS AS A MEANING OF COURT ACTIVITY OF CRIME

Keywords: criminal process, criminal procedure, procedure, compromise, anti-crime, conflict.

DOI: 10.17223/22253513/39/4

The article proposes an original approach that explains the obvious ideological nature of the use of compromise technologies on certain alternative procedures of the Russian criminal process and is considered as an applied tool for combating crime. Such proposals occur against the background of an obvious trend of humanization of punishment and exemption from criminal responsibility of certain categories of persons.

The author claims justifiably that new prospectiveand at the same time conflict-free (compromise) forms of criminal procedure for the rapid resolution of criminal cases have been created in the Russian criminal process.At the same time, the author believes that one of the most important advantages of the use of compromise technologies, provided that there are no aggravating circumstances, is the ability to resolve the criminal-law conflict between the parties concerned quickly and create a favorable environment of reciprocity and understanding.

The author believes that the idea of compromise as a certain measure of combating crime has already been implemented in modern procedural algorithms for resolving criminal cases through reduced criminal proceedings in the form of an inquiry, specific (compromise) procedures in the form of: the court making a final decision on a criminal case with the consent of the accused with the charge brought by the investigating authorities; the court making a final decision on a criminal case when concluding a pre-trial agreement on cooperation (a deal with justice); proceedings in a criminal case on the appointment of criminal-law measures in the form of a court fine when a person is exempt from criminal liability; a termination of the criminal case and criminal prosecution against the suspect or accused in conjunction with the reconciliation of the parties, a termination of criminal prosecution against the suspect or accused in conjunction with active repentance, a termination of criminal prosecution against the suspect or accused in cases of crimes in the field of economic activity, the election of certain preventive measures and the conduct of the individual investigative actions under the individual compromise circumstances.

The author believes that the construction of a legal model of criminal procedure compromise as a measure to counter modern crime will contribute to the optimization of the Russian criminal proceedings in the interests of the individual, society and the state as a whole. The work proposes the justification of a new scientific direction - the criminal procedure concept of using compromise - and the prospects for its application in scientific research and practical activities to counter modern crime.

References

1. Markelov, A.G. (2017) The principle of procedural compromise in the criminal proceedings of Russia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 6. pp. 114–118. (In Russian).

2. Polyakov, M.P. (2018) Ideologicheskiy podkhod i ugolovno-protsessual'naya kontseptologiya kak instrumenty poznaniya sushchnosti otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Ideological approach and criminal procedural conceptology as tools for understanding Russian criminal justice]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 1(45). pp. 43–47.

3. Polyakov, M.P. & Smolin, A.Yu. (2017) To the question about the technological principles of criminal procedure. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 3(39). pp. 116–120. (In Russian).

4. Kuznetsov, V.N. (2010) *Teoriya kompromissa* [Theory of Compromise]. Moscow: Kniga i biznes.

5. Markelov, A.G. (2017) Decriminalization as a form of compromise in criminal proceedings of Russia. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4(40). pp. 165–168. (In Russian).

6. Kuvaldina, Yu.V. (2013) Compromise in criminal process as a way to resolve criminal conflicts. *Biblioteka kriminalista*. 1(6). pp. 117–130. (In Russian).

7. Grachev, S.A. (2014) Pravovoy kompromiss v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Legal compromise at the stage of criminal case initiation]. In: Tolstik, V., Baranov, V.M. & Parfenov, A. (eds) *Kompromiss v prave: teoriya, praktika, tekhnika* [Compromise in Law: Theory, Practice, Technique]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 306–314.

8. Dobrovolskaya, O.G. (2014) Ugolovnoe sudoproizvodstvo na osnovanii kompromissov i soglasheni [Criminal proceedings on the basis of compromises and agreements]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. 6(96). pp. 70–72.

9. Markelov, A.G. (2017) New evidence of compromise in criminal proceedings of Russia: “pay and sleep”. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia.* 2(28). pp. 105–108. (In Russian).

10. Fedulov, A.V. (2014) Rozysknye i sostyazatel'nye nachala v sovremennom ugolovnom protsesse: neobkhodim poisk kompromissa [Investigative and adversarial principles in the modern criminal process: a search for a compromise is necessary]. In: Tolstik, V., Baranov, V.M. & Parfenov, A. (eds) *Kompromiss v prave: teoriya, praktika, tekhnika* [Compromise in Law: Theory, Practice, Technique]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 341–347.

11. Markelov, A.G. (2018) About compromise in the disturbance of criminal persecution on crimes in the sphere of economic activity. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1. pp. 145–149. (In Russian).

12. Podolnyy, N.A. (2003) Konflikt i kompromiss kak elementy strategii zashchity po ugolovnym delam [Conflict and Compromise as Elements of a Defense Strategy in Criminal Cases]. *Advokatskaya praktika – Advocate’s Practice*. 3. pp. 20–26.

13. Kuznetsova, A.A. (2014) Vozmozhen li kompromiss mezhdu organami ugolovnogo presledovaniya i SMI v khode ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya? [Is a compromise possible between the criminal prosecution authorities and the media in the course of criminal procedural evidence?]. In: Tolstik, V., Baranov, V.M. & Parfenov, A. (eds) *Kompromiss v prave: teoriya, praktika, tekhnika* [Compromise in Law: Theory, Practice, Technique]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 456–464.

14. Barr, R. & Friedman, B. (2002) Joint Representation of Criminal Codefendants: A Proposal to Breathe Life into Section 4-3.5(c) of the ABA Standards Relating to the Administration of Criminal Justice. *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 15(4). p. 635.

15. Chiavario, M. (2008) Some considerations on faces of justice by a non-specialist. *Journal of International Criminal Justice*. 6(1). pp. 69–86. DOI: 10.1093/jicj/mqm084

16. Delmas-Marty, M. (2006) Interactions between national and international criminal law in the preliminary phase of trial at the ICC. *Journal of International Criminal Justice*. 4(1). pp. 2–11. DOI: 10.1093/jicj/mqi087

17. Kress, C. (2003) The procedural law of the international criminal court in outline: anatomy of a unique compromise. *Journal of International Criminal Justice*. 1(3). pp. 603. DOI: 10.1093/jicj/1.3.603

18. Verin, A.Y., Antonov, I.O., Klyukova, M.E. & Rahmatullin, R.R. (2016) Some problems in application of certain forms of summary procedure based on criminal procedure code of the Russian Federation. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues.* 19. Special Issue. pp. 25–30.

19. Chertov, I.V. (2014) Sovremennoe regulirovanie kompromissa pri prekrashchenii ugo-lovnykh del v Rossiyskom ugolovnom protsesse [Modern regulation of compromise in the termination of criminal cases in the Russian criminal process]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii, ugolovnogo protsessa i kriminalistiki, ugolovno-ispolnitel'nogo prava, prepodavaniya uchebnykh distsiplin kriminologicheskogo tsikla* [Acute problems of criminal law and criminology, criminal procedure and criminalistics, criminal executive law, teaching of educational disciplines of the criminological cycle]. Proc. of the International Conference. Petrozavodsk: [s.n.]. pp. 169–174.

20. Polyakov, M.P. (2002) *Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Criminal procedure interpretation of operational-search activity results]. Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.

21. Polyakov, M.P. (2016) A few thoughts on the ideological nature of criminal procedure principles. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3(35). pp. 84–88. (In Russian).